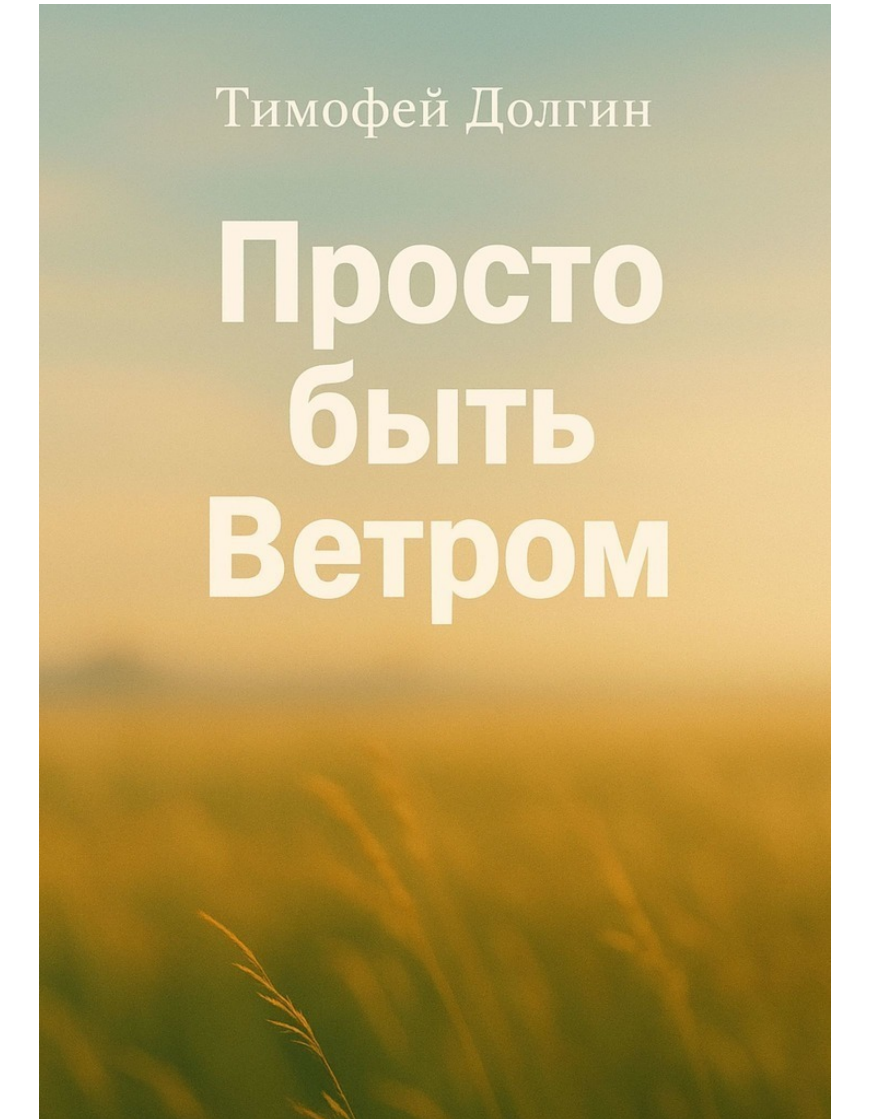

Тимофей Долгин

Просто быть Ветром

Тимофей Михайлович Долгин

Просто быть Ветром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72664408

ISBN 9785006830905

Аннотация

Эта книга – путешествие одной души, которая через множество воплощений искала ответ на единственный по-настоящему важный вопрос. И каждый её путь приближал к разгадке, оказавшейся проще и грандиознее, чем можно представить. «Просто быть Ветром» – это гимн настоящему моменту. Напоминание о том, что смысл не в великих свершениях, а в тихом принятии; не в спасении мира, а в способности быть его частью. Философская притча, которая перевернет ваше восприятие жизни, любви и связи всего живого.

Содержание

От автора	5
О ЧЁМ ЭТА КНИГА?	7
Глава 1. Рождение	8
Глава 2. Первый Вдох	14
Глава 3. Мир Леса	19
Глава 4. Зов Крови и Тихий Ручей	25
Глава 5. Друг у Высокой Скалы	31
Глава 6. Язык Земли и Неба	37
Глава 7. Великий Холод и Тихий Обет	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Просто быть Ветром

**Тимофей
Михайлович Долгин**

© Тимофей Михайлович Долгин, 2025

ISBN 978-5-0068-3090-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Я вырос в деревне, и с самого детства меня посещали вопросы, безмолвные для моего окружения. Самый главный из них – «Зачем живут люди? В чём смысл?» – сегодня задаёт мой сын, и не в двенадцать, как когда-то я, а в восемь.

Этот вопрос привёл меня к долгому путешествию по лабиринтам религии, философии и самых разных взглядов на жизнь. Я экспериментировал: постился, брал аскезы, погружался в долгое молчание, занимался йогой и медитацией. И в тридцать шесть лет пришёл к осознаниям, неожиданным для меня самого.

Я отказался от продуктов, которые мы по привычке называем «пищей» – мяса и рыбы. И начал по-настоящему жить. Быть здесь и сейчас. Перестал расстраиваться, если что-то идёт не по плану, или из-за чьих-то недобрых поступков. Начал активнее помогать другим, делиться знанием и опытом. И тот свет, что я вижу в глазах людей, которым смог помочь, – для меня и есть истинное счастье.

Меня часто спрашивают, почему я не ем мясо. Обычно я отвечаю просто: «Я так решил». Но когда звучит искренний вопрос «почему?», слов оказывается мало. Так родилась идея этой книги – красиво и образно донести логику моего выбора.

Однако изначальный замысел маленькой истории перерос

в нечто большее. Перед вами – итог этого преобразования. Я надеюсь, эта книга станет для вас пищей для размышлений и, возможно, наполнит вашу жизнь новыми, глубокими смыслами.

О ЧЁМ ЭТА КНИГА?

Эта книга – не история о спасении мира. Не хроника великих битв и не откровение нового бога.

Это – путешествие одной искры. Вспышки сознания, которой однажды стало тесно в сияющей вечности, и она отправилась в долгий путь, чтобы познать саму себя через боль плоти, радость движения, горечь утраты и тишину любви.

Она была оленем, познавшим закон жертвенной любви.

Была принцем, нашедшим путь к пробуждению.

Была плотником, явившим миру силу сострадания.

И, наконец, стала простым человеком, который устал искать и начал – жить.

Его звали Утренний Ветер. Его звали Пробудившийся. Его звали Учитель. Но настоящее его имя – это имя того, кто странствует в каждом из нас. Того, кто задаёт единственный, по-настоящему важный вопрос: «Кто я?»

Этот вопрос – начало пути. А ответ на него... ты держишь в руках.

Глава 1. Рождение

Тишина.

Не та, что рождается между звуками, когда ветер затихает в кронах или птица обрывает песню. Это была Тишина до самого понятия звука. Первобытное Бытие, существовавшее до формы и имени. Ничто, что было одновременно – Всем. И в этой бескрайней полноте пустоты, лишённой времени и границ, шевельнулась первая вибрация – пробуждение Мысли.

И в этом присутствии проснулась Мысль. Она возникла не как слово, не как образ, а как смутное, первородное ощущение себя.

«Яяяя...»

Это не было страхом. Скорее, изумлением. Удивлением от самого факта этого «Я».

«...где я?» – последовала мысль, и вместе с вопросом пришло первое чувство – отделённости. Оно было крошечной точкой осознания в бескрайнем океане не-осознания.

«И кто я? Что вообще такое „я“?»

Вопросы вибрировали в пустоте, как круги на воде, не находя берега. И от этого становилось немного... одиноко.

И тогда Пустота ответила. Не голосом, что звучит в ушах, а чем-то гораздо более фундаментальным. Это был ответ, который приходил изнутри и снаружи одновременно, напол-

няя собой всё пространство. Это была вибрация тепла, света и абсолютного принятия.

– Именно на эти вопросы тебе и предстоит найти ответ.

Искра замерла, прислушиваясь к этому чувству. Оно было таким тёплым и знакомым, как воспоминание о доме, которого у тебя никогда не было.

«Но как мне это сделать?» – прошелестела её мысль, такая хрупкая по сравнению с этой всеобъемлющей полнотой.

– Как всегда. Пройдя Путь. Весь, целиком. Познав себя на опыте.

«Опыт?» – искра попыталась понять. *«Что это? Как можно познать себя? Я же уже есть. Разве этого недостаточно?»*

Ей казалось, что она уже целая, уже завершённая. Зачем куда-то идти?

– Быть семенем – это одно. Стать деревом, почувствовать на своей коре солнце и дождь, укрыть птиц в своих ветвях, уронить лист на землю осенью и снова распуститься весной – это совсем другое. Ты – потенциал. Тебе предстоит стать Действием.

Мысль о действии, о движении, напугала и обрадовала одновременно. Это был вызов.

«И что конкретно сейчас мне нужно сделать?»

– Выбрать свой путь. Понять, что ты хочешь испытать. Страх или храбрость? Одиночество или любовь?

Потерю или обретение? Ты можешь выбрать всё, что пожелаешь. Это твоё путешествие.

Искра задумалась. Вечность? Одиночество? Любовь? Эти слова были пока лишь символами, у них не было вкуса, запаха, чувства. Как выбрать то, чего не знаешь?

– *Хотя, постой...* – в голосе-ощущении послышались нотки ласковой умудрённости, будто он смотрел на уже написанную книгу. *Я вижу, ты уже всё выбрал. Твой выбор был сделан ещё до того, как ты задал первый вопрос. Он в самой сердцевине того, кто ты есть.*

«Нет!» – внезапно взбунтовалась искра. Впервые в ней вспыхнуло что-то, отдалённо напоминающее страх или сопротивление. Ей казалось, что у неё отнимают самое ценное – свободу воли, которую она только что получила. «Ничего я не выбирал! Я даже не понимаю, о чём ты! Я хочу выбирать сам!»

Но Голос не утверждал. Он просто излучал бесконечную любовь и понимание, как родитель, наблюдающий за ребёнком, который настаивает, что будет одеваться сам, ещё не зная, как это делать.

– *Всё начинается... Не бойся. Это удивительно. До скорой встречи, маленький луч...*

И прежде чем она успела что-то возразить, мир перевернулся.

Увээээээ!

Звук обрушился на неё. Громовый, низкий, вибрирую-

ций, он был не просто шумом – он был материей, он был весом, он был самой жизнью. Он входил в неё и становился ею. Это был рев, но в нём не было угрозы. В нём была сила, мощь, энергия сотворения.

Ощущение невесомости и бесконечности сменилось чувством... границ. Мягких, тёплых, пульсирующих границ. Она больше не была точкой в нигде. У неё было Место. Она была *где-то*. И это «где-то» было невероятно уютным, безопасным и родным. Это был первый Дом.

Тишину сменил ритмичный, убаюкивающий стук – громкий, властный, близкий. Бум-бум. Бум-бум. Это был не звук извне. Это был звук *изнутри*. Это был стук самого Дома, его живая, несущая музыка. Она поняла, что это биение – теперь и её собственный ритм.

И тогда вернулся Голос. Тот самый. Но теперь он изменился. Он не был больше безграничным эхом вселенной. Он шёл извне, сквозь стенки Дома. Он был звонким, нежным, полным безграничной нежности и ожидания.

– Твой отец – самый сильный олень во всём лесу. Видел бы ты, как он сразил того зазнайку Коэна! Его рога – будь осторожен, малыш, не запутайся в них! – словно ветви древнего дуба. А сердце... о, его сердце большое и доброе. Мы ждём тебя. Мы уже любим тебя. Скоро ты сможешь с ним познакомиться.

Слова были пока лишь колебаниями, вибрациями, но они несли в себе смысл напрямую, в обход понимания. Они нес-

ли чувство. Чувство защиты, любви, предвкушения.

И лучик, который уже и не лучик вовсе, а нечто новое, растущее, слушал. Он слышал сквозь стенки Дома и другие голоса – шелест, похожий на ветер, далёкий плеск воды, чьи-то тяжёлые, размеренные шаги где-то совсем близко.

Он начал чувствовать. Не думать, а чувствовать. Тепло. Тесноту. Плавное покачивание. Запах... жизни. Он ещё не знал, что это запах крови, плоти и шерсти, но для него это был запах абсолютной безопасности.

Он пошевелился. И – о чудо! – его движение вызвало немедленный ответ – ласковую, ответную волну извне, успокаивающее поглаживание. Диалог начался. Диалог тел, предшествующий диалогу слов.

«Кто я?» – снова возник древний вопрос, но теперь он уже не был полон тревоги. Он был наполнен любопытством.

Ответ пришёл не в виде слова, а в виде чувства, исходящего от того самого тёплого голоса, что был теперь и снаружи, и внутри него одновременно. Ответ был: *«Ты – мой. Ты – любимый. Ты – желанный. А всё остальное... ты узнаешь позже. Сейчас просто будь.»*

И он был. Он рос. Он наполнялся ощущениями. Он становился. Из лучика света – в обещание жизни. Из вопроса без ответа – в путь, который только начинался.

Шло время, и лучик все больше привыкал к новым ощущениям. Он уже не помнил ясно той пустоты, того голоса. Память о них стала сном, далёким и смутным. Его реально-

стью теперь было это тёплое, тёмное, уютное пространство, полное звуков и ритмов, которые становились ему роднее с каждым ударом сердца. Его мир был полон ожидания, и он сам был этим ожиданием. Он готовился к великому путешествию под названием Жизнь.

Глава 2. Первый Вдох

Покой был бесконечным и мимолётным одновременно – всё, что знало это рождающееся сознание. Тёплый, влажный, тёмный мирок, где каждое движение встречалось ласковой ответной волной, а ритмичный стук большого сердца убаюкивал и говорил без слов: «Ты в безопасности. Ты дома».

Но затем в этом совершенном мире что-то пошло «не так». Непривычное давление. Сжатие. Ощущение движения, толчка, куда-то вниз и вперёд. Инстинктивно, ещё не зная страха, существо внутри сжалось, пытаюсь вернуть себе утраченный покой. Но движение усиливалось, становилось неумолимым, властным. Стены Дома, всегда такие податливые и мягкие, вдруг стали могучей силой, выталкивающей его наружу.

Что происходит? Куда я движусь? Это... конец? – пронеслась первобытная мысль, больше похожая на чувство паники.

И тогда, сквозь нарастающий гул и давление, он снова уловил его – тот самый голос. Но теперь в нём не было прежней умиротворённости. В нём была напряжённая сила, усилие, но также и огромное, ободряющее участие.

– Давай же, малыш! Смелей! Новый мир ждёт тебя! Не бойся!

Эти вибрации, полные любви и поддержки, стали якорем.

Он перестал сопротивляться. Он позволил силе нести его.

И мир взорвался.

Холод. Это было первое чистое, шокирующее ощущение. Резкий, обживающий контраст после блаженной теплоты. Сотни игл вонзились в его кожу, заставив всё существо содрогнуться.

Свет. Ослепительный, режущий, белый. После уютной тьмы это было нападением. Он инстинктивно зажмурился, но яркие пятна всё равно плясали под веками.

Звуки. Они обрушились лавиной. Тот самый низкий рог, что он слышал раньше, теперь гремел прямо над головой, оглушительный и торжествующий. Шелест ветра в кронах, которого он не видел, но уже слышал. Птичьи трели, щебет, чьё-то тяжёлое дыхание рядом. Мир оказался невероятно громким.

И он сделал первый вдох.

Воздух. Он ворвался в него, холодный, свежий, с диковинными запахами – хвои, влажной земли, чего-то сладкого (позже он узнает, что это запах молока) и чего-то живого, шерстяного. Воздух наполнил его, расправил что-то внутри, заставил заработать новый, незнакомый механизм – лёгкие. Это было больно и прекрасно одновременно. И из этого первого вдоха родился его собственный звук – тонкий, дрожащий, жалобный крик. Крик утраты, страха и – первого утверждения своего существования в этом новом мире.

Я есть! Я здесь! Мне холодно! Помогите!

Помощь пришла немедленно. Что-то грубое, шершавое, но невероятно тёплое и влажное принялось вылизывать его спину, бока, мордочку. Это касание смывало с него что-то скользкое, и по мере его работы холод отступал, сменяясь приятным теплом. А главное – это касание было знакомым. Оно несло в себе ту же вибрацию, что и тот голос.

Он попытался открыть глаза. Свет уже не резал так больно. Мир предстал перед ним размытым, полным неясных пятен и движений. Но прямо над ним, гигантским и самым прекрасным, что он когда-либо видел, склонилось Существо. Большие, тёмные, бездонные глаза, полные такой нежности, что весь его страх мгновенно растаял. Длинное, доброе лицо, большие уши, улавливающие каждый звук. Он узнал её. Не по виду, а по сути. По той любви, что исходила от неё волнами.

Мама, – поняло его существо, не нуждаясь в словах.

– Вот и ты, моя радость, – прозвучал её голос, и теперь он шёл не изнутри, а снаружи, и он видел, как двигаются её губы. *– Вот ты какой. Совсем как твой отец.*

Он попытался ответить, но получился лишь ещё один жалобный писк. Он был беспомощен. Он лежал на чём-то холодном и белом (снегу), и его собственные конечности не слушались его.

– Давай же, вставай, – мягко подбодрила его мать, продолжая вылизывать его. *– Мир большой, и в нём нужно уметь стоять на своих ногах. Попробуй. Это не страшно.*

Её язык был как массаж, придающий силы. Внутри него что-то включилось – древний, мощный инстинкт. Он упёрся во что-то мягкое передними ногами. Они подогнулись, и он шлёпнулся обратно в снег. Разочарование и усталость накалили на него.

– *Не сдавайся*, – сказала мать. В её голосе не было нетерпения, лишь уверенность. – *У тебя всё получится. Просто соберись*.

Он собрался. Сосредоточился на странном ощущении четырёх конечностей, которые были *им*, но пока не слушались его. Снова упёрся. На этот раз сильнее. Здрожал от напряжения. Передние ноги держали. Медленно, невероятным усилием воли он поднял заднюю часть, чувствуя, как дрожат мышцы. Он качался, как тростинка на ветру, мир плыл у него перед глазами. И вот он стоял. На четырёх тонких, неустойчивых ногах, подпершийся всем телом против гравитации, которая только что так легко валила его с ног.

Это была его первая великая победа.

Он осмотрелся. Зрение стало чётче. Он увидел высокие, коричневые столбы с зелёными вершинами (деревья), белое одеяло под ногами (снег), серое небо над головой. И он увидел Её. Во всей полноте. Большое, сильное, прекрасное существо с мягкой шерстью и добрыми глазами. Она смотрела на него с безграничной гордостью.

– *Молодец*, – просто сказала она.

И тогда его нос уловил самый главный, самый влекущий

запах. Сладкий, тёплый, живительный. Он шёл от неё. Инстинкт повёл его. Он пошатнулся, сделал первый в жизни шаг, потом второй, покачиваясь и едва не падая. Он тыкался носом в её тёплый бок, ища, ища... и нашел. Источник. Питания. Любви. Жизни.

Первый глоток молока был самым большим чудом из всех. Это был вкус самого мироздания, тепла, заботы и абсолютной принадлежности. Он пил, уткнувшись в мать, и чувствовал, как сила наполняет его дрожащие ноги, как уходит остаточный холод, как мир из враждебного и пугающего становится... интересным.

«Кто я?» – снова возник в нём тот самый вопрос, но теперь он был не одиноким лучом в пустоте.

Он оторвался от вымени, и капля молока повисла на его губе. Он посмотрел на мать. Она смотрела на него.

И в её взгляде был ответ: *«Ты – мой оленёнок. Ты – часть этого леса. Ты – Утренний Ветер. Ты – Эрэл».*

Он ещё не знал этого имени, но уже чувствовал его правду. Он сделал ещё шаг, навстречу огромному, новому, пугающему и прекрасному миру. Его путешествие началось по-настоящему.

Глава 3. Мир Леса

Дни, последовавшие за рождением, слились для Эрэла в череду чистых, ярких, ничем не омрачённых впечатлений. Его вселенная, некогда сжатая до тёплых, тёмных стен, теперь раскрывалась во всех направлениях, и каждое из них было наполнено чудесами.

Первое, что он познавал, – это запахи. Если раньше был только один запах – Запах Матери (молоко, шерсть, безопасность), то теперь его нос, всегда влажный и любопытный, улавливал миллионы ароматов. Он учился их различать.

Сладковатый, пыльный запах сухой хвои под солнцем.

Острый, холодный, чистый запах ветра, принесшего с далёких гор намёк на снег.

Терпкий, влажный, землистый запах грибов, прятавшихся под опавшими листьями.

Пьянящий, сладкий аромат первых весенних цветов, пробивающихся к солнцу из-под прошлогодней травы.

Он мог часами стоять, закрыв глаза, вдыхая этот огромный, незнакомый мир, и каждый вдох был для него историей.

Затем пришли звуки. После оглушительной тишины его прежнего мира, лесная симфония казалась ему вагнеровским оркестром. Он учился слушать.

Трель малиновки – не просто красивая песенка, а сигнал: «Здесь всё спокойно».

Резкий, тревожный крик сойки – «Опасность! Внимание!».

Нетерпеливый, торопливый стук дятла – барабанная дробь, отмечающая ритм леса.

Шёпот листьев на ветру – вечные, мудрые беседы старых деревьев.

Мать учила его:

– Прислушивайся, сынок. Лес всегда говорит с тобой. Он предупреждает, советует, успокаивает. Нужно только научиться слышать.

Однажды, когда они пили воду из холодного, звонкого ручья, Эрэл услышал новый звук. Далёкий, замирающий, леденящий душу вой. Он не был громким, но он нёс в себе нечто первобытное, хищное, голодное. Шерсть на загривке Эрэла встала дыбом, а ноги сами по себе подкосились, готовясь бежать, хотя он даже не видел источника звука.

Мать тут же подняла голову. Её уши повернулись, как локаторы, улавливая малейший отзвук. В её теле не было страха, лишь собранность, концентрация и спокойная сила.

– Волки, – просто сказала она, и в этом слове было всё объяснение. – Они далеко. Их голод – это не зло, Эрэл. Это просто их природа. Они тоже дети Леса, и они следуют своему пути. Наш путь – быть бдительными. Страх – это хорошо. Он оберегает тебя. Но нельзя позволять ему парализовать тебя. Понял?

Эрэл кивнул, всё ещё дрожа. Он не совсем понял, но до-

верял её спокойствию. В тот день он выучил первый великий урок: мир не был только добрым или только злым. Он был цельным, и в нём было место разным путям. И его собственный путь требовал внимания.

Самым большим открытием стало его собственное тело. Ощущение скорости! Он обожал бегать. Сначала его шаги были неуклюжими, он спотыкался о кочки и собственные ноги. Но с каждым днём его мышцы крепили, а координация оттачивалась. И настал день, когда он просто побежал. Не куда-то, а просто так, от избытка чувств, от радости бытия. Ветер свистел в ушах, земля упруго отскакивала от копыт, деревья мелькали по бокам зелёным пятном. Он летел, и в эти мгновения он был не просто оленёнком – он был самой скоростью, самой свободой, воплощённым движением. Он скакал по поляне, подпрыгивал высоко в воздух, делая невозможные кульбиты, и звонко кричал от восторга.

Мама смотрела на него с улыбкой в глазах.

– *Ну вот, теперь ты по-настоящему Утренний Ветер,* – сказала она, когда он, запыхавшийся и счастливый, вернулся к ней. – *Ты ощутил радость своего имени.*

И вот однажды, когда солнце стояло в зените, окрашивая лес в золотые и изумрудные тона, мать повела его вглубь чащи, туда, где деревья были старше и могучее.

– *Пришло время познакомить тебя с отцом,* – сказала она, и в её голосе прозвучала особая, торжественная нота.

Они вышли на небольшую, скрытую от посторонних глаз

полян. И там, под сенью древнего дуба, стоял Он.

Эрэл замер. Он видел самцов своего стада и раньше, но этот был... другим. Он был воплощением тихой, невысказанной мощи. Его рога были не просто костяными наростами – это была корона, сложный, величественный узор, вписанный в самое небо. Его шея была толстой и мускулистой, шерсть – тёмной и густой, с седыми прядями, говорящими о возрасте и опыте. Но больше всего Эрэла поразили его глаза. Глубокие, тёмные, как лесные озёра в сумерках, они смотрели на мир с невозмутимым, всепонимающим спокойствием.

Олень медленно повернул к ним голову. Его взгляд скользнул по матери с молчаливым приветствием и остановился на Эрэле. В этом взгляде не было ни оценки, ни суда. Было лишь наблюдение.

– Подойди, Эрэл, – мягко подтолкнула его мать.

Эрэл, внезапно почувствовав себя очень маленьким и неуклюжим, сделал несколько шагов вперёд. Он ожидал громового голоса, приказа, возможно даже вызова. Но отец заговорил тихо, и его голос был похож на низкий, размеренный гул земли.

– Я видел, как ты бегаешь на поляне. У тебя сильный прыжок.

Это была не похвала, а констатация факта. Эрэл смущённо потупился.

– Спасибо...

– *За что?* – отец слегка наклонил голову. – *Это твоё умение. Ты его развил. Ты можешь гордиться им, но не возгордиться. Помни: сила дана тебе не для того, чтобы доказывать её другим. Сила дана, чтобы защищать. Защищать тех, кто слабее. Защищать свой дом. Своё стадо. Свою семью.*

Он сделал шаг вперёд, и Эрэл невольно отступил.

– *Мы – лесные олени. Мы не охотники. Мы не берём жизнь. Мы едим траву, и её щедрости хватает на всех: на нас, на зайцев, на полевок, на птиц. Мы – часть великого круга, мы не владыки его. Наша сила – в мудрости, а не в агрессии. Понимаешь?*

Эрэл кивнул, хотя до конца смысл этих слов дошёл до него гораздо позже. Сейчас же он просто впитывал сам образ отца – образ спокойного, уверенного достоинства, которое не нужно доказывать.

– *Хорошо,* – отец коснулся своим большим, мягким носом его лба. Это было одновременно и приветствие, и благословение, и признание. – *Иди. Познавай мир. Но всегда помни о том, кто ты.*

Эрэл вернулся к матери, переполненный новыми чувствами. Страх сменился огромным уважением, а затем – тихой радостью. У него есть Отец. Сильный. Мудрый. И он признал его.

В тот вечер, лёжа рядом с матерью под звёздным небом, Эрэл смотрел вверх. Огромные, холодные, яркие точки усы-

пали бархатный потолок мира. Он чувствовал себя крошечным, но не одиноким. Он был частью этого стада, частью этого леса, частью чего-то бесконечно большего. Он был Эрэлом, Утренним Ветром. И его путь только начинался.

Глава 4. Зов Крови и Тихий Ручей

Годы текли за годами, сливаясь в один долгий, насыщенный светом и движением день. Хрупкий оленёнок, шатавшийся на тонких ножках, остался в прошлом. Теперь это был Эрэл – сильный, статный молодой олень. На его голове красовались первые, уже внушительные отростки, обещавшие со временем превратиться в могучую, ветвистую корону. Он знал каждую тропинку в лесу, каждый ручей, каждое дерево, дающее приют от летнего зноя. Он научился читать книгу леса по запахам и звукам, отличать игривый ветерок от предвестника грозы, тревожный крик птицы от её брачной песни.

Но с приходом новой осени в нём самом что-то изменилось. Знакомый мир вдруг заиграл новыми красками, запахи стали острее, а в крови зазвучала странная, беспокойная музыка. Это был зов, древний и необоримый, как смена сезонов. Он ловил себя на том, что всё чаще прислушивается к далёким голосам стада, выискивая среди них один, особенный. Он становился более нервным, чаще бодался с другими молодыми самцами, оспаривая никому не нужные клочки земли, – всё это было частью великого ритуала, смысл которого ему пока был неясен.

И однажды он её увидел.

Это произошло на рассвете. Туман стелился по лугу, пре-

вращая его в заколдованное озеро. Она пришла из тумана, как видение. Стройная, с глазами цвета тёплого янтаря и шерстью, отливающей золотом в первых лучах солнца. Она пила воду из ручья, и каждое её движение было исполнено такой грации, что у Эрэла перехватило дыхание.

Он замер на опушке, не смея приблизиться, боясь спугнуть это прекрасное существо. Но она подняла голову и посмотрела прямо на него. И в её взгляде не было ни страха, ни вызова. Было лишь спокойное, заинтересованное любопытство.

– *Ты чего застыл, как пень на рассвете?* – раздался вдруг чей-то насмешливый голос. Из-за спины девушки появилась другая, более резвая и весёлая на вид олениха. *Боишься, что ручей высохнет?*

Эрэл смутился и сделал нерешительный шаг вперёд.

– *Я... я просто не хотел мешать,* – пробормотал он.

Первая олениха, та, что с янтарными глазами, мягко тронула подругу носом в бок, как бы призывая её успокоиться.

– *Не обращай внимания на Лайру,* – сказала она, и её голос показался Эрэлу самым прекрасным звуком в мире. – *Она считает своим долгом дразнить всех, кто хоть немного отличается от пня. Я – Элиана.*

– Эрэл, – выдохнул он, представившись.

Так началось их знакомство. Дни превратились в череду счастливых, лёгких встреч. Они бродили по лесу, и Эрэл показывал Элиане свои любимые места: поляну, усыпанную

полевыми цветами, старую, полую иву, в которой можно было укрыться от дождя, тайную тропу к горному ключу с самой чистой водой.

Он рассказывал ей всё: о своих детских страхах, о первом знакомстве с отцом, о том, как учился слушать лес. Она слушала его внимательно, а потом делилась своими историями – о том, как её стадо кочевало с севера, о первом снеге, который она увидела, о своей любви к самым высоким точкам, откуда виден весь мир.

– Знаешь, о чём я иногда думаю? – сказала она как-то раз, когда они стояли на таком утёсе, глядя на расстилающийся внизу лес, похожий на зелёное море. – Я думаю, что мы все – часть одного большого целого. Деревья, трава, мы, даже камни. И есть какая-то нить, которая связывает всё. Иногда я чувствую её... особенно сейчас.

Она посмотрела на него, и Эрэл почувствовал, как по его спине пробегает тёплая дрожь. В этот момент он понимал её абсолютно. Тот самый древний зов, что звучал в его крови, был этой нитью. И она связывала его с ней.

Их игры стали более нежными. Они не скакали по полянам сломя голову, а просто стояли рядом, касаясь друг друга боками, дыша в унисон. Они могли часами лежать в высокой траве, молча наблюдая за проплывающими облаками. В её присутствии странное беспокойство покидало Эрэла, сменяясь глубочайшим, всеобъемлющим миром. Он понял, что это и есть та самая Любовь, о которой так мудро и отстранён-

но говорил отец. Теперь он чувствовал её сам – не как долг, а как единственно возможное состояние бытия рядом с ней.

Прошла ещё одна зима и ещё одна весна. И следующей осенью, когда лес снова запылал багрянцем и золотом, Элиана привела его на ту самую поляну у ручья, где они впервые встретились.

– *Эрэл*, – сказала она тихо, и в её голосе была лёгкая тревога, смешанная с нежностью. – *Наступило время. У нас будет ребёнок.*

Эрэл замер. Мир на мгновение перестал существовать. Затем новая, незнакомая волна чувств нахлынула на него. Не страх. Не растерянность. Это была огромная, всепоглощающая ответственность, но такая же светлая и чистая, как вода в ручье. Он подошёл к ней и прикоснулся своим лбом к её шее.

– *Всё будет хорошо*, – прошептал он. – *Я буду с тобой. Всегда.*

Он не просто произносил слова. Он давал обет. Обет защищать, оберегать, любить. В тот миг он окончательно понял слова отца. Его сила, его быстрая нога, его умение слышать лес – всё это теперь имело единственную цель: обеспечить безопасность им двоим. Нет, троим.

Он стал тенью для Элианы. Он выбирал самые безопасные и сытные пастбища, первым проверял тропы, ночами стоял на страже, пока она отдыхала. В его движениях уже не было юношеской порывистости, появилась плавная, уверенная

сила будущего отца и вожака.

И вот настал день. Элиана удалилась в густые заросли папоротника, и Эрэл, не в силах находиться рядом, метался на опушке, слушая её сдержанные стоны. Каждый звук отзывался в нём острой болью. Он чувствовал себя беспомощным, как в детстве, и это было невыносимо для его возмужавшей силы.

Но потом раздался другой звук. Тонкий, жалобный, настойчивый. Крик. Новой жизни.

Эрэл застыл, не смея дышать. Через мгновение из зарослей вышла Элиана. Она выглядела уставшей, но счастливой. А рядом с ней, пошатываясь на тонких, как тростинки, ножках, шёл крошечный оленёнок, тычась носом в её бок в поисках молока.

– *Сын*, – сказала Элиана, и её глаза сияли. – *У нас сын.*

Эрэл медленно, почти благоговейно приблизился. Маленький оленёнок испуганно вздрогнул и спрятался за мать. Эрэл остановился. Он смотрел на это маленькое, превосходное существо, на его огромные, полные удивления глаза, на его влажный нос, на его беспомощно дрожащие ноги. И сердце его наполнилось такой любовью, такой нежностью и таким жгучим желанием защитить этого малыша от всего мира, что ему показалось, что оно разорвётся.

Он медленно, очень осторожно протянул нос и коснулся мордочки сына. Тот отшатнулся, но потом, почувствовав исходящее от большого оленя тепло и ласку, сделал робкий шаг

навстречу.

И в тот миг, когда их носы соприкоснулись, в памяти Эрэла вспыхнуло что-то древнее, глубокое, забытое. Фраза, которую он слышал в своих снах. Она пришла не как слово, а как чувство, как абсолютная, не требующая доказательств истина.

Мы с тобой одной крови.

Он понял это теперь не умом, а всем своим существом. Глядя в глаза своего сына, он видел в них то же чистое сияние, ту же искру жизни, что горела в нём самом, в Элиане, в его родителях, в каждом листе на дереве и в каждой капле росы. Границы между «я» и «ты» растворились. Он был не просто Эрэл, отец этого оленёнка. Он был продолжением жизни, звеном в бесконечной цепи, хранителем и частью чего-то необъятно большего.

Он обернулся к Элиане. В её глазах он увидел то же понимание, ту же бездонную любовь. Они были больше, чем пара. Они были целым миром, у которого теперь есть будущее.

Эрэл тихо тронул носом своего сына.

– *Добро пожаловать, маленький Ветерок,* – прошептал он. – *Мы с тобой одной крови. И я всегда буду с тобой.*

И он знал, что говорит правду. Не потому что обещает, а потому что это был закон бытия, который он наконец-то по-настоящему ощутил.

Глава 5. Друг у Высокой Скалы

Жизнь Эрэла обрела новый, глубокий ритм. Он был мужем, отцом, защитником. Его дни были заполнены заботой о Элиане и маленьком Ветерке (имя которого – Зефир – придумала сама Элиана, заметив, как он резвится под ласковыми дуновениями ветра). Он учил сына тому, чему научил его собственный отец: слушать шепот леса, находить самые сочные травы, чувствовать приближение опасности за милю. Он был счастлив. Полнота его мира казалась абсолютной.

Но иногда, в редкие мгновения тишины, когда Зефир засыпал, прижавшись к Элиане, а лес затихал в предрассветной дымке, Эрэл ловил себя на странном чувстве. Это не была тоска. Скорее, лёгкое, едва уловимое ощущение, что пазлу его мира, кажущийся полным, всё же не хватает одного, последнего кусочка. Как будто прекрасная мелодия, которую он слышал всю жизнь, должна была вот-вот обрести недостающий инструмент, чтобы зазвучать совсем уж совершенно.

Однажды, в разгар особенно жаркого лета, Эрэл отправился на дальнюю поляну, куда редко заходило стадо. Там росла особенная, сочная трава, которую обожала Элиана. Он шёл не спеша, наслаждаясь одиночеством и прохладой под кронами древних елей. Его путь лежал мимо Высокой Скалы – одинокого исполина, вздымавшегося к небу на окраине леса. Это место всегда манило его своим спокойствием и ве-

личием.

И вот, приблизившись, он замер.

У подножия скалы, спиной к нему, сидело Существо.

Вся сущность Эрэла, все уроки отца мгновенно крикнули в нем одним словом: «Опасность!». Мышцы напряглись для прыжка, сердце забилось частой дробью, готовое к бегству.

Но... ничего не происходило.

Существо не двигалось. Оно не издавало угрожающих звуков, не пахло железом и дымом, запах которых Эрэл считывал как предупреждение. От него исходил запах потной кожи, пыли и... чего-то грустного, задумчивого. Оно просто сидело, поджав под себя свои длинные, лишённые шерсти конечности, и смотрело куда-то вдаль, на долину, открывавшуюся со скалы.

Эрэл не двинулся с места. Любопытство, сильное и непреодолимое, боролось в нём с инстинктом. Он видел людей издалека, всегда – шумными, быстрыми, опасными группами. Этот же был один. И в его позе читалась такая глубокая, незащитная печаль, что Эрэлу вдруг стало не страшно, а... жалко.

Он сделал осторожный шаг вперёд. Потом ещё один. Сухой сучок хрустнул под его копытом.

Существо резко обернулось.

Их глаза встретились.

Эрэл увидел не зверя, не охотника. Он увидел два больших, тёмных озера, полных такого же изумления, растерян-

ности и... одиночества, которое он порой чувствовал и в себе. В этих глазах не было злобы. Был вопрос, точно такой же, как у него: «Кто ты?»»

Они замерли, изучая друг друга. Эрэл видел бледную кожу Существа, странные покровы на его теле, длинные, гибкие пальцы. Оно было хрупким, без клыков и когтей. Эрэл понял, что мог бы легко одолеть его в схватке, но сама мысль об этом показалась ему вдруг дикой и нелепой.

Существо медленно, очень медленно подняло одну из своих передних лап – руку – и... не сжало её в кулак, а раскрыло ладонью вверх. Жест был настолько явно неагрессивным, таким универсальным знаком мира, что Эрэл понял его всем своим существом.

Он ответил тем же. Он не поднял копыто, конечно. Он медленно, плавно опустил голову и коснулся своим влажным, бархатистым носом протянутой ладони.

Кожа была тёплой, мягкой, живой.

Так родилась тишина. Не пустая, а наполненная диалогом, который шёл без слов. Они говорили глазами, едва уловимыми движениями, тембром тишины, что установилась между ними.

«Я не причиню тебе вреда», – сказал взгляд Эрэла.

«И я тебе», – ответил взгляд Существа.

«Ты одинок?»

«Да. А ты?»

«У меня есть семья. Но иногда... и я чувствую то же».

Эрэл не знал, как долго они простояли так. Но в какой-то момент Существо тихо, без резких движений, опустилось обратно на камень и жестом пригласило его сесть рядом. Эрэл, к собственному удивлению, прилёг на землю, подогнув ноги, в нескольких шагах от него.

Так началась их первая беседа. Они не могли говорить на одном языке, но пытались. Существо издавало странные, гортанные, но мелодичные звуки, указывая на себя: «*Ли-ан*». Эрэл фыркнул, представившись своим именем. Лиан повторил его, сказав до неузнаваемости, и они оба – человек и олень – фыркнули от смеха, поняв абсурдность ситуации.

Потом Лиан стал показывать. Он достал из складок своей одежды странный предмет – заострённый камень, привязанный к палке. Эрэл насторожился, но Лиан не направил его на него. Вместо этого он стал водить им по мягкой земле, оставляя замысловатые следы. Он рисовал. Он нарисовал оленя – неуклюже, но узнаваемо. Потом нарисовал человеческую фигуру. Потом провёл между ними линию.

Эрэл смотрел, заворожённый. Он понял! Он ткнул носом в рисунок оленя, потом в себя, потом в рисунок человека и в Лиана. «*Да! Мы!*»

Лиан радостно закивал. Потом он нарисовал солнце, луну, дерево, и Эрэл каждый раз подтверждал: да, я знаю что это. Это было потрясающе. Они создавали общий язык.

Когда солнце начало клониться к западу, Эрэл понял, что ему пора возвращаться к семье. Он поднялся. Лиан тоже

встал. На прощание Эрэл подошёл к кусту со спелыми ягодами, аккуратно сорвал несколько веточек и положил их к ногам Лиана. Дар. Доверие.

Лиан смотрел на него с немым восхищением. Потом он порылся в своей сумке и вытащил кусок чего-то тёмного и солёного (это был хлеб, но Эрэл не знал этого). Он отломил крошечный кусочек и, медленно приблизившись, протянул ему на открытой ладони.

Эрэл понюхал. Запах был странным, но не пугающим. Он взял угощение. Это был жест. Жест доверия и дружбы.

Они ещё раз посмотрели друг другу в глаза. Взгляд говорил: *«Мы встретимся снова?»* И ответ был: *«Да»*.

Эрэл развернулся и побежал прочь, к дому. Лес летел ему навстречу, но на этот раз его сердце пело не только о возвращении к семье. Оно пело о том, что та самая недостающая нота в мелодии его мира наконец-то нашлась. Он прибежал к Элиане запыхавшийся, с сияющими глазами.

– *Где ты был?* – спросила она, с любопытством глядя на него.

– *Я... я встретил Другого,* – сказал Эрэл, всё ещё пытаюсь осмыслить произошедшее.

– *Волка? Рысь?* – насторожилась она.

– *Нет. Не охотника. Я встретил... Друга.*

Он лёг рядом с ней, прижался к её тёплому боку, и начал рассказывать. О Существо у скалы. О глазах, полных печали и ума. О молчаливом диалоге. О рисунках на земле. О ягодах

и странном угощении.

Элиана слушала, и в её глазах сначала был страх, потом недоумение, а потом – понимание.

– Ты говоришь о Человеке? Но отец говорил...

– Отец говорил об охотниках, – перебил её Эрэл. – Этот... Лиан... он не охотник. Он... одинокий. Как я у скалы иногда. Он ищет. Как я искал тебя.

Он замолчал, подбирая слова.

– Когда я смотрел ему в глаза, я чувствовал то же самое, что чувствую, глядя на тебя или на Зефира. Ту самую... нить. Помнишь, ты говорила? Я почувствовал, что мы с ним... одной крови. Не в буквальном смысле. А в смысле... чего-то большего.

Элиана долго молчала, обдумывая его слова. Потом она тихо тронула его носом своей мордой.

– Если твоё сердце говорит тебе, что ему можно доверять, я верю твоему сердцу. Но будь осторожен, мой ветер. Мир людей сложен и полон опасностей, которых мы не понимаем.

– Я буду, – пообещал Эрэл. Но в душе он уже знал, что их встреча у Высокой Скалы была не случайностью. Это было начало чего-то нового. Начало дружбы, которая должна была изменить их обоих.

Глава 6. Язык Земли и Неба

Их следующая встреча была назначена без слов. Эрэл просто знал, что на следующий день, когда солнце будет в зените, он придёт к Высокой Скале. Так и вышло. И Лиан уже ждал его, сидя на своём камне, и в его глазах вспыхнула тихая радость, когда он увидел оленя.

На этот раз страх и неуверенность почти полностью уступили место любопытству и предвкушению. Лиан сидел на своём камне и что-то усердно плел из длинных стеблей травы. Увидев Эрэла, он улыбнулся – оскалил свои ровные, странные зубы в жесте, который Эрэл уже интуитивно понимал как приветствие и радость.

– Эрэл! – попытался произнести Лиан, и на этот раз это прозвучало почти правильно.

Эрэл фыркнул в ответ – его собственный способ выразить одобрение. Он подошёл ближе и посмотрел на работу рук Лиана. Длинные, гибкие пальцы проворно переплетали стебли, и на глазах у Эрэла бесформенная куча зелени превращалась в нечто удивительное – подобие гнезда, но с ручкой. Корзину.

Закончив, Лиан с гордостью протянул её Эрэлу. Тот осторожно понюхал плетёное изделие. Пахло травой и солнцем. Он не понимал назначения этой штуки, но восхищался мастерством.

Лиан, видя его непонимание, поднялся, подошёл к кусту с ягодами и начал срывать их и складывать в корзину. Эрэл наблюдал, и до него медленно доходил смысл. О! Это был переносной куст! Удобно!

Чтобы показать, что он понял, Эрэл аккуратно взял свою собственную, полную корзину за ручку (что было непросто для оленьих губ) и отнёс её в тень скалы. Лиан рассмеялся и хлопнул в ладоши – новый звук, который Эрэл решил запомнить как знак одобрения.

Так начался их великий обмен. Они стали учителями друг для друга.

Эрэл показывал Лиану лес. Не просто тропы, а его тайные знания. Он учил его *слушать*.

– *Вот*, – Эрэл замирал, поднимая голову и поводя ушами, как локаторами. Лиан смотрел на него, потом напряжённо вслушивался сам. Сначала он слышал только общий гул. Но потом, глядя на реакцию Эрэла, начал различать отдельные ноты. Там, вдалеке, сорока трещала о чём-то – Эрэл показывал мордой направление, и Лиан понимал: «Там что-то происходит». Резкий, отрывистый крик какой-то птицы – и Эрэл настораживался, его тело говорило: «Тише, возможна опасность». Лиан учился. Он начал понимать, что лес – это не просто скопление деревьев и зверей, а огромный, живой организм, который постоянно говорит.

Эрэл водил его к тайным местам. К поляне, где после дождя выросли самые вкусные, маслянистые грибы, которые

Лиан с удовольствием собирал в свою корзину. К скрытому источнику, где вода была на вкус как сама вечность, холодная и чистая. Он показывал ему, где лиса вывела лисят, и они вдвоём, затаив дыхание, наблюдали за их играми из укрытия.

В ответ Лиан приоткрывал Эрэлу дверцу в свой, человеческий мир. Мир творения. Он принёс однажды шкуру какого-то животного (Эрэл насторожился, но Лиан жестами объяснил, что оно умерло своей смертью) и заострённую палку. Он макал палку в разведённую глину и наносил на шкуру удивительные изображения. Он нарисовал охоту людей на оленя. Эрэл отшатнулся, и Лиан поспешно стал показывать жестами: «Это было давно. Это было нужно, чтобы выжить. Голод. Холод». Эрэл, хоть и с тяжестью на сердце, понял. Он видел разницу между необходимостью и жестокостью.

Потом Лиан нарисовал другое. Он нарисовал звёзды. И свой народ, сидящий вокруг костра и смотрящий на них. Он нарисовал детей, танцующих под дождём. Он пел ему свои песни – монотонные, горловые, полные тоски и красоты о мире. Эрэл ложился рядом, закрывал глаза и слушал. Это была музыка его друга, и она была прекрасна.

Они говорили о самом сокровенном. Конечно, не словами. Они говорили глазами, жестами, рисунками на песке, тишиной, полной понимания.

Как-то раз, глядя на закат, окрашивающий небо в багряные тона, Лиан положил руку на свою грудь, потом на грудь

Эрэла, а потом указал на солнце, на деревья, на землю под ногами. И провёл рукой по воздуху, соединяя всё в один круг.

– *Одно*, – сказал он на своём языке, и Эрэл понял. Совершенно, абсолютно понял.

Он ткнулся носом в ладонь Лиана, потом положил свою морду ему на колени – жест абсолютного доверия. Лиан замер, а потом осторожно, почти с благоговением, положил руку ему на голову, между растущими рожками. Они сидели так молча, пока последний луч солнца не скрылся за горизонтом. Два существа из разных миров, нашедшие родственную душу у подножия древней скалы.

Эрэл рассказывал Элиане обо всём. Он описывал песни Лиана, его рисунки, его грустные глаза, которые теперь светились чаще.

– *Он... как большой, голый, неуклюжий оленёнок*, – говорил Эрэл, пытаясь объяснить. – *У него нет нашей шерсти, нет копыт, чтобы быстро бегать, нет рогов для защиты. Но у него есть огонь внутри. И в его голове рождаются такие образы... Он может поймать луну на шкуре! Он может спеть песню, от которой дрожит воздух!*

Элиана слушала, и её первоначальная настороженность таяла. Она видела, как эти встречи преобразуют Эрэла. Он стал более вдумчивым, более спокойным. Он приносил от Лиана новые идеи – например, знание о том, что можно отводить воду из ручья по канавке к нужному месту.

Однажды Эрэл привёл Элиану и подросткового Зефира к скале. Лиан ждал их, и на его лице было выражение тихой радости и волнения. Он принёс особенный дар – гирлянду из полевых цветов, которую осторожно возложил на шею Элианы. Для Зефира он сплёл из травы маленькую, забавную фигурку, похожую на оленёнка. Зефир, сначала спрятавшись за отца, вскоре осмелел и стал с любопытством обнюхивать странного двуногого, который пахнет дымом и добротой.

Так два мира, человеческий и олений, ненадолго, у подножия Высокой Скалы, переплелись и стали единым целым. Они были небольшой тайной, скрытой от всех. Для Эрэла это была самая большая роскошь – иметь друга, с которым можно молчать, понимая друг друга без слов. Он чувствовал, что их дружба – это воспоминание о чём-то очень древнем и настоящем, о том времени, которое люди забыли, а олени – нет.

Глава 7. Великий Холод и Тихий Обет

Их идиллия длилась не одно лето. Сезоны сменяли друг друга, окрашивая лес то в сочную зелень, то в огненные краски, то в серебристо-белый иней. Зефир подрастал, превращаясь из шаткого оленёнка в резвого подростка, который с восторгом принимал участие в их тихих встречах у скалы. Лиан стал частью их маленького тайного мира. Он научился различать настроение Элианы по положению её ушей, а Зефир обожал, когда человек чесал ему загривок – то место, куда самому не дотянуться.

Но однажды осень не спешила уступить место зиме. Небо затянулось свинцовыми тучами раньше обычного, и с них посыпался не пушистый, ласковый снег, а колкий, мелкий град, несущий в себе непривычную, злую стужу. Воздух стал острым и режущим, как лезвие.

Первые заморозки сковали землю раньше, чем трава успела увянуть и дать последние питательные семена. Потом пришёл снег. Не красивый, покрывающий всё белым одеялом, а бесконечный, монотонный, удушающий. Он шёл днями, неделями, не переставая. Он завалил поляны, согнул под своей тяжестью молодые деревца, скрыл под многометровой толщей всё, что могло служить пищей.

Великий Холод пришёл.

Сначала стадо Эрэла пыталось бороться. Они раскапывали снег в поисках сухой прошлогодней травы, глодали кору с деревьев. Но снег был слишком глубокий, а мороз – слишком силен. Энергии на раскапывание уходило больше, чем давала найденная жухлая травинка. Старые и слабые начали угасать первыми. Они просто ложились в сугроб и больше не вставали, их глаза покрывались ледяной плёнкой безысходности.

Эрэл, Элиана и Зефир держались вместе. Эрэл копал ямы передними копытами, позволяя семье подбирать огрызки травы, пока он отряхивался от изнеможения. Его рёбра начали проступать под шкурой. Он видел, как худеет Элиана, как теряет свою резвость Зефир. Его сердце разрывалось от боли и беспомощности. Его сила, его знание леса – всё было бессильно перед слепой яростью стихии.

Он пришёл к Высокой Скале. Лиан был уже там. Его вид был ужасен. Лицо осунулось, глаза ввалились и горели лихорадочным блеском. Он был закутан в какие-то жалкие, промокшие шкуры. Рядом с ним сидели двое других людей – старая женщина и девочка. Они были ещё хуже. Девочка безостановочно плакала от голода и холода.

Увидев Эрэла, Лиан попытался улыбнуться, но получилось лишь жалкое подобие улыбки. Он жестом показал на пустую корзину, развёл руками, показал на свой открытый рот, а потом сжал горло – знак голода. Потом он указал на своих

сородичей и на себя, и провёл рукой по шее. Последний жест был предельно ясен: «Мы умрём».

Эрэл стоял, и ледяной ветер продира­л его до костей. Но внутри у него был холод куда более страшный. Он смотрел на впалые щёки девочки, на дрожащие руки старухи, на отчаяние в глазах своего друга. Он видел их беспомощность. У них не было тёплой шкуры, как у него. Не было копыт, чтобы раскапывать снег. Они были слабыми, хрупкими детьми холода, обречёнными на гибель.

И в этот миг что-то переключилось в сознании Эрэла. Волна отчаяния отхлынула, и на её месте воцарилась странная, кристально чистая ясность. Он вспомнил всё. Слова отца: «Сила дана, чтобы защищать». Взгляд Элианы, полный любви. Дрожащего Зефира, нуждающегося в нём. Рисунки Лиана на шкуре – историю о голоде и выживании. И тот древний, глубочайший закон, который он постиг, глядя на своего сына: «Мы одной крови».

Эти люди были его кровью. Его семьёй. Их страдание было его страданием. Их смерть стала бы и его смертью – не физической, но смертью части его души.

Решение пришло не как мучительный выбор, а как единственно возможная, абсолютно очевидная истина. Оно родилось не в голове, а в самом сердце, в той самой точке, где горел тот самый лучик света, что когда-то задал вопрос: «Кто я?».

«Я – тот, кто любит. А любовь – это действие».

Он медленно подошёл к Лиану. Тот смотрел на него с неммым вопросом. Эрэл посмотрел ему прямо в глаза. Он вложил в этот взгляд всё: свою любовь, свою боль, свою решимость и... просьбу о прощении. Потом он опустил голову и тронул мордой его руку – их старый жест дружбы.

Потом он обернулся и посмотрел в сторону леса, туда, где остались его Элиана и Зефир. Он послал им мысленное прощание, наполненное такой нежностью, что она показалась ему теплее любого солнца.

«Простите меня. Я защищаю вас. Я люблю вас вечно».

Затем его взгляд снова стал твёрдым. Он посмотрел на Лиана и кивком головы показал на скалу. Потом ткнул мордой в снег, очерчивая круг. Потом посмотрел на заходящее солнце и сделал вид, что засыпает, положив голову на лапы. Потом снова посмотрел на Лиана, вкладывая в взгляд всю свою волю.

«Завтра. Здесь. Я буду ждать. Я буду лежать здесь. Для вас».

Лиан замер. Сначала в его глазах было лишь недоумение. Потом оно сменилось догадкой. Потом – ужасом. Он замотал головой, закричал что-то на своём языке, его руки затряслись.

– Нет! Нет, Эрэл! Нельзя! Я не могу!

Но Эрэл не дрогнул. Его взгляд был спокоен и решителен. В нём не было трагедии. Была жертва, но не жертвоприношение. Было действие. Была любовь. Он снова ткнул мордой

в снег на том месте, где должен был лежать. Жест был ясен:
«Это мой выбор. Мой дар. Прими его».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.